

РОЛЬ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ГЕНЕЗИСЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРАКТИК

*Не плакать, не смеяться, а понимать
Бenedикт Спиноза*

В современных социально-политических науках и определенного рода публицистике существует устойчивый синонимический ряд: «новые религиозные движения» – «секты» – «религиозный экстремизм». При этом ощущается дефицит теоретического осмысления данных понятий и опыта их практического применения. Налицо явный диссонанс между явлениями и процессами социальной реальности и тем категориально-понятийным аппаратом, с помощью которого эту реальность, эти явления и процессы пытаются описать и объяснить.

Экстремистские проявления, несмотря на их немногочисленность по сравнению с другими видами правонарушений, представляют собой системную угрозу личности, обществу и государству, поэтому государство, следуя простому «инстинкту самосохранения», вынуждено реагировать, в том числе и уголовно-правовыми средствами. Поскольку это затрагивает права и свободы граждан, особая ответственность лежит на тех, кто теоретически обосновывает необходимость и определяет основные направления антиэкстремистской деятельности.

Экстремистские практики имеют религиозное измерение, являющееся доминирующим, поскольку предполагают способность и устремленность индивида к выходу за рамки обыденности и условностей, «за край». Это касается не только собственно «новых и старых» религиозных движений, чья конфессиональная принадлежность просматривается и определяется достаточно четко, но и группировок, формально не являющихся религиозными. В связи с этим в своей статье я попытаюсь обосновать несколько взаимосвязанных положений.

1. Экстремизм является, прежде всего, особого рода формой сознания, способной к самовоспроизводству в различных социальных условиях.

2. Структура экстремистского сознания во многом соответствует интенциям религиозного сознания, они имеют общее происхождение и природу.

3. Новые религиозные движения (НРД) и субкультуры являют собой пример аутентичного религиозного сознания.

4. Экстремистские практики порождаются новыми религиозными движениями и субкультурами как результат неспособности или нежелания общества и государства разрешать противоречия, неизбежно возникающие в процессе личностного и социального развития.

Эти четыре тезиса будут планом моего дальнейшего повествования.

Экстремистское сознание сводится к четырем основным чертам, или, как говорят в социальной психологии, паттернам (от английского pattern – *модель, образец*).

Во-первых, это дуализм в мировосприятии, категоричное разделение окружающей действительности на «добро» и «зло», «истину» и «ложь», «гармонию» и «хаос» и т. п. Естественно, что носители экстремистского сознания причисляют себя к «светлой» стороне и убеждены, что борьба, конфликт, противостояние имманентны мирозданию, что это нормальное состояние. Отсюда у лиц с экстремистскими наклонностями возникают всевозможные фобии, которые проецируются на окружающих.

Во-вторых, гипертрофированная самооценка, чрезвычайная гордость своими действительными и воображаемыми превосходными качествами, мнение об особом моральном превалировании над окружающими. Отсюда следует обоснование особой внутренней морали, мнение о том, что остальной мир может быть средством для достижения целей «избранного» меньшинства.

В-третьих, стремление объяснять свои неудачи и ошибки враждебностью, злонамеренностью своего социального окружения. Из этого проистекает дегуманизация лиц, не входящих в круг «избранных», установка на бескомпромиссную борьбу с ними.

В-четвертых, особого рода сценарии поведения, которые можно описать терминами «конфликт», «деструкция» и «преодоление» («спасение»). Но в зависимости от конкретных социально-исторических условий возможны два варианта развития событий.

Первый вариант – это победа, преодоление, разрушение существующего социального порядка и создание нового общества. Это путь революции, который возможен только в условиях глубокого социального кризиса и наличия радикальных элементов, готовых к активным публичным действиям.

Второй вариант востребован в условиях социальной стабильности и неготовности общества к радикальным переменам. В этом случае экстремистские группы не могут рассчитывать на массовую поддержку со стороны широких слоев общества, и им остается довольствоваться активностью в рамках собственной субкультуры (контркультуры). Такой вариант можно назвать эскапизмом, т. е. бегством от социальной реальности.

Данная структура экстремистского сознания, на наш взгляд, универсальна и воспроизводится в различные исторические эпохи, на разной этноконфессиональной «почве». Такие черты можно найти и в

иудейском движении зилотов, и в средневековых квазихристианских сектах, и в русском большевизме, и в современном ислаимизме.

Но наиболее ярко эти черты проявляются у представителей религиозных движений. Философ В. И. Красиков, говоря о классификации экстремизма, справедливо отмечает, что «различия между разными формами экстремизма лежат прежде всего в сфере их ментальных различий»¹. Можно выделить формы экстремизма, порождаемые объективными психофизиологическими состояниями и социальными условиями («экстремизм плоти»), например расизм и этнонационализм, сексизм, молодежные и криминальные субкультуры. В то же время религиозный экстремизм являет собой «экстремизм духа», такие формы экстремистского сознания порождаются идеями. Но ни одна идея не может быть реализована, если в структуре человеческой субъективности не будет присутствовать набор интенций, связанных с этой идеей. В подтверждение нашего второго тезиса следует рассмотреть антропологическое основание религиозности. Религиозность – явление более широкого понятия, чем конкретные конфессиональные формы, возможно существование «нерелигиозной (внеконфессиональной) религиозности».

Отметим четыре основные душевные интенции, лежащие в основе религиозности: а) бегство от страданий, угроз, неприятных переживаний, отчаяния, разочарования, чувства вины и т. п.; б) стремление к обретению душевного комфорта, чувства безопасности, любви, всевозможных благ и связанных с ними приятных ощущений; в) озабоченность сохранением всего наличного положительного и его преумножением; г) надежда на обретение кардинально иного лучшего состояния, уверенность в его наступлении. Данные интенции, не являясь сами по себе чем-то сверхъестественным, соединяясь, образуют религиозность, как писал Г. Зиммель, «религия образована бесчисленным множеством мотивов и побуждений; ни один из них сам по себе не носил религиозного характера как таковой, но все они стали ею, поднявшись над областью своего зарождения, сплотившись вместе с другими и образовав новую, не сводимую ни к одной из них, структуру»².

Полагаем, что феномен новых религиозных движений имеет естественные антропологические основания и, собственно, эти движения не являются «новыми». Их появление закономерно для каждой эпохи, можно типологизировать их, провести исторические параллели, выявить социально-психологическую обусловленность тех или иных разновидностей НРД.

В то же время, в подтверждение нашего третьего тезиса, укажем на единые для аутентичного религиозного и экстремистского сознания формы, порождаемые вышеуказанными интенциями.

Во-первых, это способность к восприятию некоего откровения, сверхрационального постижения нового знания. Говоря религиозным языком, это озарение, просветление, чудо, круто меняющее жизнь личности. Это событие предполагает нигилизм по отношению к повседневному бытию и его условностям (вспомним евангельские слова «раздай все и иди за мной...»). В случае с генезисом экстремистских практик мы видим то же самое: иррациональный прорыв сознания, озарение идеями восстановления социальной и национальной справедливости и т. п.

Во-вторых, формирование особого типа экстремальной личности, воспринявшей это откровение и следующей ему. Мы ни в коем случае не утверждаем, что «нормальные» люди равнодушны к духовно-религиозной жизни, наоборот, они имеют духовные потребности, и эти потребности удовлетворяются в рамках сложившихся религиозных традиций. Но при этом главными для них являются все же жизненные, социальные ценности.

В свое время Андрей Кураев высказал мысль, что в сектах находятся лучшие люди России. Позволим согласиться с ним, поскольку адептами НРД, так же, как и рядовыми участниками экстремистских сообществ, зачастую становятся личности идеалистического склада, у которых доминирующим началом является поиск истины, духовный интерес. Трагедия в том, что этот поиск может вести и в тупик, и в пропасть.

Можно выделить два типа таких личностей. «Нищие духом» – это те, кто не способен к самостоятельному обретению полноценного «Я» и поэтому находят компенсацию в гуру, пророке, мессии. «Призванные» («богатые духом») – это личности, обладающие харизматическими задатками, ищущие пути самореализации, спасая других, они спасают самих себя.

Эти два типа личностей образуют диалектическое единство, два полюса аутентичной религиозности. Именно они порождают «новые» течения или поддерживают традиционные как их наиболее фанатичная часть последователей.

В-третьих, перспективы существования НРД или новых социально-политических движений напрямую зависят от способности их участников и идеологов представить, прежде всего, самим себе некий четкий проект «нового мира», «светлого будущего», создать «новую онтологию». Этот процесс представляет собой единство веры и разума, интуиции и рефлексии. «Слепая» вера вряд ли может иметь серьезные перспективы.

¹ Красиков В.И. В экстриме. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М., 2006. С. 17.

² Зиммель Г. Религия. Социально-психологический этюд // Избранное. Т. 1: Философия культуры. М., 1996. С. 603.

Итак, «новый мир» не может быть постигнут и обретен исключительно иррационально либо исключительно логически. Этот процесс соединяет в себе серьезные волевые усилия личности, психофизиологические и социальные техники, духовно-ментальные трансформации и, как итог, формулировку концепций, идеологий, обретение внутренне непротиворечивого «символа веры». Отсюда необходимые действия, уже имеющие непосредственное внешнее выражение, затрагивающие интересы других, «неэкстремальных» лиц, не вовлеченных собственно в орбиту такого «религиогенеза».

В подтверждение нашего четвертого тезиса рассмотрим эти механизмы. Во-первых, культурная депривация (от латинского *deprivatio* – *потеря, лишение*). Человек становится личностью в контексте определенной культуры, поэтому создание «нового мира» предполагает преодоление этой культуры, ее тотальное отрицание, национально-культурный нигилизм, сознательное лишение себя своего культурного кода.

Во-вторых, это социальная депривация. Семейные связи являются непозволительной роскошью для человека, решившего перестроить весь мир. Вспомним на первый взгляд шокирующие евангельские слова о том, что «главные враги для человека – это его домашние». Подлинной семьей для адепта должна стать новая общность, основанная на радикально-асоциальных ценностях (община, церковь, партия и т. п.).

Но поскольку радикальная депривация логически ведет и готовит человека к уходу из мира, необходимо преодолеть чисто животный страх смерти. Это возможно путем физической депривации: лишения нормального сна, минимизации питания, аскезы в одежде и жилище. Физическая депривация готовит индивида к непосредственно духовной депривации, представляющей собой вытеснение отражения реального мира миром воображаемым, сосредоточением на содержании собственного сознания, включающем духовные объекты. Данная техника отточена, в частности, в православном монашестве. В философии в качестве параллели можно привести «феноменологическую редукцию» («выведение за скобки») в концепции Эдмунда Гуссерля.

Разрушение традиционной культуры, посягательство на семейные ценности, уничтожение социальных связей, психофизиологические нарушения – все это укладывается в определение негативных последствий экстремистской деятельности. Но можно ли и нужно ли уголовно-правовыми средствами запрещать и останавливать естественные, закономерные, эволюционные процессы духовной и социальной жизни? Очевидно, что общество и государство не может дистанцироваться от тех, кого мы называем экстремистами, тоталитарными сектантами, адептами деструктивных культов. В то же время мы не можем согласиться с тем, что все они злонамеренны в своих деяниях и преследуют исключительно корыстные цели.

В качестве выводов отметим следующее.

- Новые религиозные движения являют собой закономерный этап в развитии религиозности.
- Экстремизм и религиозность имеют единые антропологические основания.
- Методы, практикуемые новыми религиозными движениями и субкультурами, могут быть амбивалентны по отношению к интересам общества и государства и только при определенных условиях могут быть оценены как экстремистские практики.
- Стратегическим средством противодействия экстремизму может быть только конструктивная альтернатива в естественном религиозном развитии человека.